

УДК 271.2-76(476)“1921/1939”

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЕССКОЙ ЕПАРХИИ (1921 – 1939)**Н.В. САМОСЮК***(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Рассмотрена миссионерская деятельность Православной церкви на территории Полесской епархии в 1921 – 1939 годах. Показана главная задача епархиального и районных миссионерских комитетов – сохранение численности православного населения. Православные миссионеры вынуждены были одновременно противодействовать активной агитации со стороны представителей нетрадиционных религиозных организаций, сдерживать распространение униатства, бороться с проявлениями атеизма среди молодёжи. Для обсуждения различных вопросов миссионерского характера, обмена опытом, выработки новых методов работы проводились специальные собрания, конференции, курсы. Церковные власти привлекали к миссионерской работе православное население. Сделан вывод о том, что миссионерская деятельность во многом способствовала совершенствованию душпастьерской работы духовенства и сохранению традиций и устоев церковно-приходской жизни православного населения Полесской епархии.

Введение. После окончания Первой мировой войны Польское государство было возрождено под именем Второй Речи Посполитой. В соответствии с Рижским мирным договором от 18 марта 1921 года Западная Беларусь и Западная Украина вошли в ее состав [1, с. 160]. Варшавская, Холмская, Гродненская, а также часть Минской (с Пинском), Литовской (с Вильно) и часть Волынской (с Луцком) епархии Русской православной церкви оказались в пределах Польского государства [2, с. 222]. В августе 1922 года по решению Собора православных епископов Польши была создана Пинско-Новогрудская епархия с центром в городе Пинске [3, л. 8]. На состоявшемся 14 – 15 июня 1922 года соборе епископов главой Пинско-Новогрудской епархии был назначен Люблинский епископ Александр [4, с. 11]. В состав Пинско-Новогрудской епархии входили части Коссовского, Лунинецкого и Пинского поветов Полесского воеводства, а также Барановичский, Несвижский, Новогрудский, Столбцовский поветы Новогрудского воеводства. Территория епархии подвергалась неоднократным изменениям. В сентябре 1922 года Священный Синод Православной Церкви в Польше переименовал Пинско-Новогрудскую епархию в Полесскую и Пинскую. В дальнейшем стало употребляться сокращенное название – Полесская епархия. Второго мая 1923 года Брестский, Кобринский, Дрогичинский, Пружанский поветы, которые относились к Гродненской епархии, вошли в состав Полесской епархии [5, л. 15]. Постановлением Священного Синода от 2 ноября 1927 года и рескриптом Министра исповеданий и народного просвещения от 19 апреля 1928 года вводилось новое разделение Православной церкви по епархиям. К Полесской епархии были присоединены приходы Сарненского и Камень-Каширского поветов.

Таким образом, границы Полесской епархии совпали с границами Полесского воеводства [6, л. 86]. В 1928 – 1938 годах в состав Полесской епархии входили все поветы Полесского воеводства [7, л. 86]. С 1 января 1939 года приходы Брестского повета Полесской епархии перешли к Варшавско-Холмской епархии [8, л. 61]. Население воеводства согласно переписи 1931 года составляло 1133,4 человек. Из них православными являлись 79,3 %. Большую часть православных составляло крестьянство (около 93 %) [4, с. 13].

Согласно традиционному определению, миссионерство – это форма деятельности религиозной организации по распространению своего вероучения и культа среди иноверцев [9, с. 212]. Для Православной церкви Польши первостепенной задачей миссионерской работы в рассматриваемый период стало сохранение численности верующих. В этой связи миссионерская деятельность проводилась преимущественно среди изначально православного населения, а также среди недавно обращенных в другие вероисповедания из православия, что обусловило специфику ее организации и осуществления.

Цель данного исследования – раскрыть основные направления миссионерской деятельности Православной церкви на территории Полесской епархии в 1921 – 1939 годах.

Основная часть. Православной церкви в Польше было необходимо создать *структуру по организации миссионерской работы*. Постановлением от 8 июля 1923 года Священный Синод признал необходимым «...иметь в каждой епархии епархиального и уездных миссионеров» [10, л. 41]. Деятельность миссионеров регламентировалась инструкцией, разработанной в синодально-миссионерском комитете. В каждом повете учреждался уездный миссионерский комитет [10, л. 42]. Члены миссионерских комитетов назначались епископом из духовных и светских лиц, опытных и заинтересованных в миссионерском деле. Уездный миссионерский комитет, находившийся под контролем епархиального архиерея, собирал информацию о нетрадиционных религиозных движениях, разрабатывал и реализовывал различные миссионерские мероприятия. Заседания уездных миссионерских комитетов проходили по мере накопления дел, но не реже одного раза в месяц. Особо подчеркивалось, что «...уездный миссионерский комитет принимает все меры, которые могут служить утверждением православных в вере, доброй нравственности, к ограждению

от влияния лжеучений и инославия, раскола, сектантства и неверия, а также в обращение в лоно церкви заблудших» [10, л. 42]. Уездные миссионеры должны были иметь духовный сан и, как минимум, среднее образование. Они подчинялись непосредственно епископу и действовали под руководством епархиального миссионера. Каждый уездный миссионер именовался «миссионер-проповедник» [10, л. 41]. Уездные миссионеры обязаны были посещать «зараженные лжеучениями местности для собеседования с лжеучителями и их последователями, составлять отчеты поветовому миссионерскому комитету о своих поездках с внесением в них впечатлений, принимать живое участие в организации приходских и пастырских собраний; о делах миссии, особенно важных и требующих незамедлительного решения, безотлагательно доносить епископу; содействовать распространению в народе брошюр и листовок миссионерского содержания» [10, л. 43].

В феврале 1928 года в целях концентрации миссионерской работы Полесским епархиальным миссионерским комитетом было решено уездные миссионерские комитеты реорганизовать в районные с центрами в Пинске (Пинский и Камень-Каширский поветы); Бресте (Брестский); Пружанах (Пружанский и Коссовский); Кобрине (Кобринский и Дрогичинский); Столине (Столинский и Лунинецкий); Барановичах (Барановичский, Несвижский, Столбцовский, часть Молодечненского) [11, л. 1]. В 1929 году был увеличен состав епархиальной миссии, так как епархиальный миссионер протоиерей Владимир Шимановский из-за болезни не мог активно заниматься миссионерским делом [12, л. 15].

Для совершенствования миссионерской работы проводились изменения и в районных миссионерских комитетах. Главной целью работы комитета являлось улучшение пастырской деятельности в епархии. На заседании епархиального миссионерского комитета 11 октября 1928 года было принято решение поручить районным миссионерским комитетам выработать ряд мер по борьбе с пьянством. Духовенство обязано было «принять к руководству и точному исполнению резолюцию епископа Александра о безотлагательном устройстве обществ трезвости и об усилении пастырской проповеди против алкоголизма» [11, л. 56]. В постановлении епархиального миссионерского комитета от 12 декабря 1929 года основное внимание уделялось поведению духовенства в приходах. Районные миссионерские комитеты должны были побудить духовенство «... избегать недружелюбных отношений между членами причта и проявлений неудовольствия со стороны прихожан» [13, л. 5]. Миссионеры напоминали духовенству, что настойчивость и вымогательство в получении платы за пастырский труд; грубость и личные оскорбления отдельных прихожан при обходе их домов; презрительное и высокомерное или слишком фамильярное обращение с прихожанами недопустимо. Особо подчеркивалось, что священник должен быть примером для своих прихожан: укреплять молитвенный подвиг, не нарушать постов, совершать бесплатно нарочитые молебствования, обязательно перед праздниками и воскресными днями совершать всенощные бдения, посещать дома прихожан с молитвой или со святой водой, обязательно вести катехизические и противосектантские беседы, учить детей и взрослых повседневным молитвам, символу веры и заповедям; распространять среди прихожан книги и брошюры религиозно-нравственного характера. Районные миссионерские комитеты должны были при участии благочинных составлять расписание торжественных миссионерских дней, а также заботиться о хоровом общенародном пении в приходах [13, л. 74].

В сентябре 1932 года епископ Александр принял на себя председательствование в Полесском епархиальном миссионерском комитете, заменив митрофорного протоиерея Ст. Жуковского [14, л. 5]. Распоряжением епископа Александра от 5 сентября 1933 года была проведена реорганизация Пинского районного миссионерского комитета. От временного исполнения обязанностей руководителя миссионерского комитета с выражением ему архипастырской благодарности за усердную работу был освобожден епархиальный протоиерей П. Калинович [15, л. 21].

На территории Полесской епархии осуществлялись попытки распространения вероучений *новых религиозных организаций*. В настоящее время многие из этих религиозных организаций являются самостоятельными протестантскими направлениями. В Православной церкви существовала тенденция именовать все религиозные направления, за исключением католичества и униатства, как «секта». Руководство Полесской епархии, сознавая общее ослабление влияния Православной церкви, пыталось собирать подробную информацию и на ее основании выработать методы по борьбе с нетрадиционными религиозными организациями [16, л. 111 – 112]. Знаковым в этом отношении событием стала работа религиозно-просветительской секции собрания благочинных Полесской епархии, созданная 1 – 4 января 1923 года по распоряжению епископа Александра. Благочинные выразили мнение, что «очень сильно нравственно развратилась молодежь в период большевизма» [17, л. 24]. Духовенство считало, что «в секты приходят три элемента: ищущие правды, имеющие материальные проблемы, а также лица, живущие безнравственной жизнью», при этом «за пропаганду агитаторы получают вознаграждение, равное окладу чиновников» [17, л. 25об.]. Духовенство постановило: обеспечить населенные пункты, где были нетрадиционные религиозные организации, литературой религиозно-нравственного характера и назначать настоятелей и псаломщиков, которые бы «своей жизнью не могли служить соблазном для прихожан в нравственном и религиозном отношении» [17, л. 26].

В 1926 году епархиальный миссионерский комитет рекомендовал в приходах, «зараженных сектантством» [18, л. 16об.], организовывать кружки ревнителей православия, миссионерские праздники в виде торжественных богослужений, сопровождаемых хоровым пением и миссионерской проповедью, а также взимать умеренную плату за совершение треб. Для неопытных священников по противодействию распространению

новых религиозных организаций планировалось проводить миссионерские курсы [18, л. 16]. Постановление епархиального комитета от 10 июля 1930 года было полностью посвящено вопросу «о диспутах с сектантами» [19, л. 16]. Для успешного ведения диспута необходимо было «1) отчетливо разобраться в пререкаемых сектантами вопросах ... и подготовить прихожан; 2) не позволять сектантам устраивать в церкви место сектантской пропаганды; 3) во время диспута обеспечить присутствие ревнителей православия...» [19, л. 16об.].

В резолюции религиозно-просветительской комиссии от 12 декабря 1936 года по пастырско-миссионерским вопросам отмечались «сдвиги в сектантстве, благоприятные для возвращения отпавших от церкви и противодействия образованию новых сект» [20, л. 29]. Поэтому поветовые миссионерские комитеты должны были «позаботиться, чтобы во всей пастырско-миссионерской деятельности приходских священников проявлялась любовь к своему делу, не угасла энергия и чувствовалось, что пастырь занят живым делом, необходимым для предохранения людей от тлетворного духа времени» [20, л. 30]. Духовенству рекомендовалось проявлять опеку и заботу «к вернувшимся в лоно церкви, а также к молодежи, особо подверженной безбожническим влияниям» [20, л. 29].

Епархиальный и районные миссионерские комитеты занимались сбором и обработкой информации о нетрадиционных религиозных организациях. По статистическим данным, собранным епархиальным миссионерским комитетом к 1928 году, общее число «сектантов разных наименований» в Полесской епархии достигало 5 тысяч обоего пола, не считая значительного количества сочувствующих. В докладе подчеркивалось, что «точная цифра не может быть установлена, так как молитвенные собрания часто посещали еще не окончательно отделившиеся от православия и не перекрестившиеся в новую веру и любопытствующие». Такое положение было особенно характерно для тех местностей, где не было церквей. Поэтому, по мнению епархиального миссионера, количество представителей нетрадиционных религиозных организаций, по подсчетам епархиального комитета, не расходится с данными, полученными от воеводского управления, которое определило общее число протестантов, зарегистрированных на территории Полесского воеводства, – 4 тысячи [16, л. 37]. По информации, полученной из отчета председателя Полесского епархиального миссионерского комитета Ст. Жуковского, в 1929 году на территории Полесской епархии насчитывалось 6052 последователя неокультов. Наибольшее распространение наблюдалось на юго-восточной окраине и в центре епархии, так как пропаганда шла с территории Волини. В распоряжении «сектантов» было 36 оборудованных молитвенных домов, из которых пропаганда распространялась, в первую очередь, в те приходы, где не было деятельных душпастырей.

Нетрадиционные религиозные организации православные миссионеры епархии делили на три главных течения: штундо-баптисты; пятидесятники-зеленосветковцы; субботники-адвентисты.

Штундо-баптисты, по данным епархиального миссионерского комитета, были распространены преимущественно на северо-западе; пятидесятники – на юго-востоке, а адвентисты sporadически – по всей епархии. Штундо-баптистов на территории Полесской епархии насчитывалось 3960 человек. У них было 30 молитвенных домов, среди которых 23 являлись наиболее сильными центрами пропаганды.

Главной отличительной особенностью пятидесятников-зеленосветковцев являлась вера в наделение отдельных последователей особыми дарами Святого Духа: владение иностранными языками, пророчествование, совершение чудес. Во время богослужений многие пятидесятники-зеленосветковцы впадали в экстаз, бились в конвульсиях, выкрикивали непонятные слова и выражения, что признавалось как знак появления в них Святого Духа. По мнению православных миссионеров, участники богослужений пятидесятников часто подрывали свое здоровье, страдали расстройствами нервной системы и внезапно умирали. В 1929 году на территории Полесской епархии было 1306 пятидесятников, в их распоряжении находилось 6 молельных домов. Наиболее влиятельными пресвитерами были: Ярмлюк, Леонович, Я. Мурашко¹. Особой популярностью пользовался Я. Мурашко, именовавший себя «пророком», «апостолом», «епископом».

Отличительной особенностью адвентистов-субботников являлось то, что вместо воскресенья праздничным днем они считали субботу, не употребляли мяса животных, запрещенных Моисеем, отрицали бессмертие души и верили в скорое пришествие спасителя. Богослужения адвентистов были близки к богослужениям баптистов. Всего на территории Полесской епархии насчитывалось 786 адвентистов, причем наибольшее количество – в Сарненском повете (603). Больших организованных общин не было. Руководил адвентистами Б. Кот, который жил в Варшаве и периодически посещал Полесскую епархию [16, л. 111 – 112].

Православные миссионеры весьма низко оценивали моральный уровень всех «сектантов», отмечая, что среди них «довольно часто случаются драки, пьянство, скандалы, прелюбодеяния, поджоги, неподчинение властям, отказ от выполнения воинского долга» [16, л. 111]. Православным духовенством подчеркивалось, что финансирование представителей нетрадиционных религиозных организаций осуществлялось единоверцами из Европы и Америки.

Кроме того, на территории Полесской епархии действовали нетрадиционные религиозные организации марьявитов, годуровцев, пророка Илии. Однако они были немногочисленными и значительного распространения на территории епархии не имели. Новая религиозная организация марьявитов вела свое

¹ Установить точные инициалы пресвитеров Ярмлюка и Леоновича не удалось.

происхождение от группы католиков во главе с сестрой Марией Козловской, которые отделились от католической церкви в начале XX века. Козловская создала значительную религиозную организацию, состоящую из бывших католических монахов и монахинь, веривших видениям своей основательницы. В Полесском воеводстве было 117 марьявитов во главе с монахиней Леокадией (Плясецкой). Марьявиты действовали преимущественно на территории Пружанского повета [4, с. 48]. Неокульт годуровцев действовал на территории Брестского повета и в 1936 году насчитывал не более 30 человек. Название организации происходит от имени основателя Годура, галичанина по происхождению. Свою миссию Годур видел в освобождении Польши от власти Ватикана [4, с. 50]. Религиозная организация пророка Илии возникла в 1933 году, когда некоторые жители Полесского воеводства увлеклись святостью жизни И. Климовича, издавшего брошюру «Духовные песни второго пришествия Христова». В ней Илья называл себя то «Богом-Отцом», то «Христом-Спасителем» [4, с. 51]. Новые религиозные организации на территории Полесской епархии могли существовать и вести активную пропаганду своих вероучений среди православного населения вследствие недостаточной душпастырской работы духовенства в приходах. Православные миссионеры выделяли три основных направления в нетрадиционных религиозных организациях: штундо-баптизм, пятидесятничество-зеленосвентковство, субботничество-адвентизм. Критерием такого разделения выступали особенности вероучения и культа данных религиозных организаций. Однако административные власти классифицировали данные организации только по названиям.

Католическая церковь во Второй Речи Посполитой встала на путь возрождения унии на присоединенных территориях. С 1924 года католической церковью проводилась миссионерская деятельность по образованию *приходов византийско-славянского обряда*. Первоначально миссионеры католической церкви византийско-славянского обряда пытались создать видимость, что новое вероисповедание ничем не отличается от православия, за исключением главенства папы [21, л. 263]. В ряде случаев православные верующие не знали о том, что приехавший к ним священник, назвавшийся «православным, признающим папу» или «истинным православным», являлся католическим священнослужителем. Согласно донесению коссовского старосты Полесскому воеводе от 12 июня 1934 года православное население не всегда создавало различия между православием и католичеством византийско-славянского обряда [22, л. 12]. Когда православные узнавали реальное положение вещей, то в некоторых случаях возвращались в православие. Имели место случаи перехода православных священников в католичество византийско-славянского обряда.

В соответствии с указом Полесской духовной консистории от апреля 1926 года благочинным вменялось «...разъяснить духовенству, что священники восточного обряда – отступники..., лишены сана и отлучены от Святой Церкви, общение с ними губительно и греховно, все таинства являются незаконными и безблагодатными» [18, л. 35].

Особенно сложным для Православной церкви был 1929 год, так как летом римско-католические власти предъявили в окружных судах иски об изъятии у православного населения и духовенства храмов и церковного имущества. Волынской православной духовной консистории было предъявлено 144 иска, Виленской – 71, Гродненской – 159, Полесской – 248. В наибольшей опасности оказалась Полесская епархия, в которой было всего 320 приходов [23, с. 34]. Ревиндикация представляла массовое и не всегда обоснованное закрытие православных храмов, их разрушение или освящение в католические костелы [4, с. 10]. В ноябре 1929 года епископ Александр в письме митрополиту Дионисию отмечал, что «в последние месяцы на приходы Полесской епархии ведется ожесточенная атака со стороны унии» [24, л. 8]. При курии местного римско-католического епископа была образована специальная комиссия, представители которой обещали приходы, убеждая православных переходить в унию. Приемы убеждения остались прежними: обещания не брать вознаграждение за требы и освобождение от всяких взносов в епархиальную кассу. Для пропаганды унии на местах активно создавались «комитеты» из представителей интеллигенции римско-католического исповедания. В их деятельности участвовали учителя, осадники, войты и солтысы [24, л. 8об.].

В постановлении епархиального миссионерского комитета от 15 мая 1930 года отмечалось, что в последнее время целью деятельности неоуниатов является борьба с Православной церковью и «энергичная пропаганда католичества восточного обряда» [19, л. 17]. Благочинные и миссионеры на курсах, конференциях и пастырских собраниях обязывались «разбирать подробно основные пункты униатского лжеучения, доказывать его неправоту и подтверждать чистоту и непреложность взглядов православия на эти вопросы» [19, л. 18]. В ряде случаев униатские священники совершали религиозные обряды, имеющие юридическую силу, в то время как православные считали их незаконными и поэтому не совершали. Так, униатский священник в селе Бобровичи Коссовского повета совершил обряд венчания, не спрашивая никаких документов. В феврале 1926 года он обвинял несовершеннолетнего и неотслужившего воинской службы жителя Доброславского прихода Александра Яворского с Софией Шляжко. На этот брак официально не дал разрешения ни православный епископ, ни римско-католический [25, л. 12, 12об.]. Полесский епархиальный миссионерский комитет 28 июня 1928 года обратился в Сарненский районный миссионерский комитет по поводу информации «об усилении римско-католической пропаганды среди православного населения Сарненского повета» [8, л. 23]. В качестве меры противодействия римско-католической пропаганде духовенству поручалось с вниманием отнестись к посланию Священного Синода православной автокефальной церкви в Польше, которое «...воодушевляло ревнителей православия

на защиту веры» [26, л. 234]. Послание было напечатано в № 16 «Воскресного чтения». Духовенству поручалось при всяком удобном случае оглашать послание и разъяснять верующим его смысл.

Характерным для католической церкви византийско-славянского обряда было совершение религиозных обрядов бесплатно или за символическую плату. Это обещали как сами проповедники, так и напечатанные в Вильно листки [27, л. 28]. Осенью 1931 года ксендз Вацлав Оношко обратился к населению села Оздамичи со следующими словами: «скажите вашему батюшке, что он не имеет права брать за крестины более 50 грошей, а за брак – 3 злотых. Соединившись с государственной католической церковью, вы будете иметь все совершенно бесплатно, и ваши церкви не будут знать никаких податков» [28, л. 3,4]. Кроме бесплатного совершения религиозных обрядов верующим обещали освобождение от взносов в епархиальную кассу и консисторию [29, л. 6, 8об.]. Проповедники неоиунии обещали строить новые и обновлять старые храмы [30, л. 1]. Для верующих, не имеющих в своем населенном пункте культового здания, это могло представлять существенный интерес. В таких условиях некоторые православные начинали посещать неоиунатские храмы.

В январе 1927 года православные верующие села Ольпень Столинского повета написали епископу Александру письмо, в котором отмечалось, что «пропаганда унии ведется всеми способами, вплоть до угощения водкой, конфетами и обещания земных благ... По хатам ходил ксендз и собирал подписи будто бы для отсылки их православному архиерею. На самом деле он давал неграмотным крестьянам подписывать прошение о переходе в унию» [4, с. 23]. В межвоенный период на территории Полесской епархии считалось, что обращение в иную веру мужчины-мужа неизбежно приведет к переходу в эту веру всей семьи. Римско-католические священнослужители старались оказать миссионерское воздействие прежде всего на главу семьи. В селе Ольпень В. Оношко пытался обращать в неоиунию замужних и незамужних женщин. Такая практика оказалась действенной, так как число прихожан росло. Полесский епископ Александр в отчете митрополиту «О состоянии православной миссии» за 1933 год писал, что «униаты, потеряв надежду среди взрослых на успех, обратили внимание на детей, которым делают разные подарки, угощают конфетами и т.д.» [31, л. 75]. В марте 1933 года священник З. Каленюк обратил в неоиунию тринадцатилетнего мальчика Василия Букато и девятилетнюю девочку Марию Лемешевскую [31, л. 47].

Католическое духовенство византийско-славянского обряда стремилось вести проповедь в местах, где у населения были какие-либо претензии к местному православному священнику, например, связанные с арендой церковной земли. Священник В. Оношко в селе Оздамичи, обращаясь к местному населению, говорил, что церковную землю можно было бы разделить между безземельными и малоземельными. В Оздамичах шла земельная реформа, и жители разделились на три враждующие группы. Расчет был верным: такие заявления не могли оставить сельское население равнодушным [28, л. 4, 4об.]. Литература миссионерского характера активно распространялась униатами, особенно часто в праздничные и базарные дни [19, л. 33]. Некоторые католические приходы византийско-славянского обряда, например, в селе Таракане Кобринского повета, содержали библиотеки, которыми пользовались как взрослые, так и дети. Для склонения населения в униатство светские власти закрывали церкви и не соглашались на назначение православных священников, ликвидировав фактически таким способом приход. Когда прошения православной иерархии и верующих не давали результата, то, как правило, появлялся униатский священник, который говорил верующим, что стоит только написать прошение римско-католическому епископу и церковь будет открыта и восстановлен приход. Если верующие писали прошение на имя римско-католического епископа, то в большинстве случаев церковь действительно открывалась, однако богослужение в ней проводилось по униатскому обряду. В Полесском воеводстве существовали униатские приходы в Бобровичах Коссовского повета, Городно – Столинского, Заречье, Оброво, Хойно – Пинского, Збураж – Брестского, Мерлинских хуторах и селе Ольпень – Столинского, Таракане – Кобринского. Как филиал Ольпеньского прихода в 20-е годы действовал приход в Давид-Городке Лунинецкого повета. Верующие католической церкви византийско-славянского обряда в 20-е годы были отмечены в Бресте и Малорите.

Православная церковь видела в унии во всех ее проявлениях большую угрозу, несопоставимую с опасностью распространения неоекультов. Благодаря активному противостоянию православных миссионеров, попытки католического духовенства по открытию новых приходов византийско-славянского обряда в Домачево, Замшанах, Олтуше Брестского повета, Глинной, Мотоле, Снитове, Янове – Дрогичинского, Кобрине, Плянте, Толково – Кобринского, Краи, Телеханах, Любищицах – Коссовского, Кривичах, Лемешевичах, Новом Дворе, Поречье, Терebenь – Пинского, Матвеевичах – Пружанского, Оздамичах, Ольмянах, Речице – Столинского, Яглевичах – Ивацевичского не принесли желаемого результата. В течение рассматриваемого периода на территории Полесской епархии униатская церковь смогла организовать не более двух десятков приходов [32, л. 99 – 100].

Новым явлением для Православной церкви во Второй Речи Посполитой стал *атеизм*. Православное духовенство Полесской епархии в отчетах Полесской консистории также определяло это явление как «безбожие», «индифферентизм» [33, л. 23], «безразличие к религии и вере» [34, л. 35]. В ходе упомянутого выше собрания благочинных Полесской епархии, проходившего 1 – 4 января 1923 года, наряду с другими вопросами рассматривалась проблема появления атеизма среди православного населения. Комиссия пришла к выводу, что за военное время религиозно-нравственное состояние народа пошатнулось вследствие отсутствия соответствующего просвещения: более семи лет дети не обучались Закону Божь-

ему; взрослое население под влиянием военных и политических событий почти забыло устои религии и нравственности. Было принято решение «обязать приходское духовенство обучать детей Закону Божьему; в школах и домах прихожан ввести в воскресные и праздничные дни обязательное совершение вечере с беседованием; организовать при каждой церкви приходскую бесплатную библиотеку; ввести в определенные дни крестные ходы по деревням» [17, л. 24 – 26]. В 1926 году для поднятия религиозно-нравственного состояния прихожан епархиальный миссионерский комитет предложил обратиться к Священному Синоду об издании на русском языке Нового Завета, Псалтыря, Часослова, молитвенников, сборника церковных песнопений в отдельных книжках малого формата, по возможности дешевых, для распространения среди прихожан [19, л. 33]. На пастырской конференции, проходившей 5 – 7 октября 1931 года, протоиереем Ст. Жуковским был прочитан доклад на тему «Безбожие и несостоятельность главных положений его». Докладчик настоятельно рекомендовал участникам конференции вести борьбу с пропагандой безбожия не только в среде взрослых прихожан, но и в школах, и вне их с детьми и молодежью. Участники конференции постановили: «...духовенству следует иметь в виду, что всестороннее улучшение пастырской работы и наличие в пастырях и пастве благочестивого молитвенного настроения, является первым и важнейшим способом борьбы с безбожием и религиозным индифферентизмом» [35, л. 1]. При обличении безбожников и индифферентных к религии признано было желательным не оскорблять без особой необходимости их самолюбия и даже не допускать некорректности выражений и поступков. В ходе организованного 15 октября 1931 года Столинским районным миссионерским комитетом собрания миссионерского характера был заслушан доклад районного миссионера Ивана Струковского, который обратил особое внимание на развивающийся крайний индифферентизм, «...доходящий до полного безразличия», в приходах Круговичи, Лотвинов, Бутча и других [35, л. 10]. Настоятель Велико-Ельнянской церкви Брестского повета С. Левчук в своем рапорте о состоянии прихода за 1932 год просил об издании литературы против безбожия. По его словам, в двух селах Велико-Ельнянского прихода, Белево и Линово, «распространен индифферентизм, особенно среди молодежи, с которой ничего нельзя сделать» [36, л. 1 – 2].

В целом, проявлениям атеизма среди населения Полесской епархии со стороны миссионерских комитетов уделялось значительное внимание, хотя и меньшее по сравнению с другими направлениями миссионерской работы. Для улучшения миссионерской работы в приходах, обмена миссионерским опытом, выработки новых методов по борьбе с различными религиозными организациями епархиальными и районными комитетами, а также отдельными благочинными организовывались *конференции миссионерского характера, курсы для псаломщиков, специальные собрания духовенства*.

В Полесской епархии регулярно проходили церковно-певческие курсы для псаломщиков, на которых важное место отводилось вопросам миссионерского характера. Так, Полесский епархиальный миссионерский комитет поручил благочинному первого округа Дрогичинского повета Ф. Смоктуновичу устройство со 2 по 19 февраля 1928 года миссионерских курсов в селе Брашевичи [11, л. 7]. В сентябре 1929 года по предложению Сарненского миссионерского комитета были организованы краткосрочные церковно-певческие курсы миссионерского характера. Заведующим курсами в Сарнах был назначен председатель Сарненского миссионерского комитета протоиерей Дружиловский, а лектором – протоиерей П. Калинович [8, л. 23]. В марте 1931 года проходила пастырско-миссионерская конференция в Камень-Каширском миссионерском районе под председательством протоиерея А. Пинькевича [19, л. 30]. Под руководством Павла Калиновича 1 – 2 июля 1931 года проходило епархиальное собрание православных священников и псаломщиков «...из тех местностей, где наиболее активизировались секты» [37, л. 56]. В собрании участвовали 17 священников и 18 псаломщиков. Павел Калинович подготовил обстоятельный доклад «Об истории появления различных сект и их отношении к православной церкви» [37, л. 33]. В городе Лунинце 12 – 18 августа 1930 года проходили церковно-певческие курсы миссионерского характера для псаломщиков Столинского района [19, л. 12]. Проблемы миссионерского дела обсуждались также на собраниях благочинных епархии. Так, 21 – 23 декабря 1924 года в Пинске состоялось собрание благочинных, которое было проведено взамен запланированного епархиального собрания духовенства. Одним из вопросов повестки дня было миссионерское дело [35, л. 3]. Наиболее важными мероприятиями для улучшения миссионерского дела в епархии являлись конференции. Так, 11 – 16 августа 1930 года проходила пастырская конференция миссионерского характера, организованная Пинским районным миссионерским комитетом под председательством митрофорного протоиерея Вл. Шимановского. Программа занятий была одобрена епархиальным миссионерским комитетом от 30 июля 1930 года. Лекторами конференции особое внимание было обращено на «возбуждение и поднятие духа пастырской ревности как в пастырском вообще, так и особенно в миссионерском деле, а равно и на обновление и освежение пастырских идеалов и на обсуждение и напоминание, как применить практически все распоряжения миссионерского комитета» [19, л. 28]. В 1928 году духовная консистория поручила Пинскому районному комитету организовать с 14 по 21 августа в селе Витчевка конференцию для священников третьего округа Пинского повета, а также с 21 по 27 августа в г. Пинске – церковно-певческие курсы миссионерского характера для псаломщиков всего района. На конференции и курсах было обязательным присутствие всех священников и псаломщиков, за исключением больных и престарелых. Планировалось заранее ознакомить духовенство с содержанием книги «Оружие правды», чтобы на конференцию и курсы оно являлось «уже более подготовленным для более успешного слушания и усвоения лекций по сектантству» [11, л. 12].

Обязанности цензоров лекций, предлагаемых слушателям конференций и курсов, возлагались на председателей районных миссионерских комитетов. Учебная программа для священников предполагала: изучение Библии; литургики; истории сектанства и методов борьбы с ним; изложение основ православной веры в связи с указанием разницы во взглядах с инославием, сектантством; обличение безбожия и борьба с ним. Учебный цикл церковно-певческих курсов для псаломщиков включал следующие элементы: катехизация с указанием инославных взглядов и опровержение их; сектантство и его обличение; теория пения; практическая регентура; изучение осмогласия и других церковных напевов; церковный устав; беседы по истории церкви [11, л. 12].

В Брестском повете 5 – 7 октября 1931 года проходила конференция священнослужителей. Митрофорный протоиерей Ст. Жуковский выступил с докладом «О главных видах проповедей и необходимости усовершенствования в проповеди Слова Божьего и усиления подготовки к этому важному делу». Участники конференции произнесли заранее подготовленные проповеди, слова, поучения, беседы. Относительно подготовки и произнесения проповедей и поучений, с учетом недостатков, отмеченных в заслушанных выступлениях, участники конференции постановили рекомендовать духовенству следующее: «а) приложить усердие в выработке внешних приемов проповедования Слова Божьего, особенно хорошей дикции; б) составлять и произносить проповеди более жизненные, отвечающие современному состоянию паствы; в) придавать проповеди сердечный характер, чтобы проповеди свидетельствовали о глубокой любви пастыря к прихожанам; г) рекомендовать пастырям ежедневно читать Слово Божие перед совершением служб церковных и готовиться к проповедованию по святоотеческим творениям, а также по лучшим сборникам современных проповедников» [35, л. 2об.].

Столинским районным миссионерским комитетом 15 октября 1931 года было организовано собрание по текущим вопросам миссионерского характера. Был заслушан и принят к сведению доклад председателя комитета протоиерея Л. Роздяловского, который обратил внимание на то, что в некоторых приходах существуют ненормальные отношения среди прихожан, что «вредно отражается на миссионерской работе» [38, л. 1об.]. Районный миссионер И. Струковский в своем докладе призвал собравшихся обратить особое внимание на развивающийся «крайний индифферентизм, входящий до полного безразличия, в приходах Круговичи, Лотвинов, Бутча и других» [35, л. 10]. По итогам обсуждения было решено организовать двухнедельные народные курсы в населенных пунктах: г. Лунинец (15 – 16 ноября 1931 года); д. Велюнь (18 – 19 января 1932 года); д. Ольшаны (24 – 25 января 1932 года). Занятия на курсах были призваны «сообщить знания истинной веры, раскрыть заблуждения сектантов» [35, л. 10об.]. Однако из-за нехватки материальных средств курсы были значительно сокращены и прошли только в Лунинце и Ольшанах. Подводя итоги проведенных курсов, миссионер И. Струковский подчеркнул, что «общее положение в районе требует особого внимания в деле наблюдения за деятельностью униатских ксендзов, а также сектантов» [38, л. 1].

На заседании Пружанского районного миссионерского комитета от 13 мая 1931 года рассматривался вопрос о приходских миссионерских кружках. Было решено предложить духовенству района на местах организовывать «приходские миссионерские кружки для беседы и руководства паствой» [38, л. 3]. Планировалось, что более способные члены приходских кружков будут собираться при районах для прохождения особых курсов для ревнителей православия. Духовенству рекомендовалось в дни храмовых праздников в приходах района устраивать одновременно торжественные сборные богослужения и миссионерские дни по заранее выработанной программе, а также совершать крестные ходы [38, л. 4].

С 1 по 10 апреля 1932 года в Пинске были организованы миссионерские курсы под руководством П. Калиновича. В работе курсов принимали участие как священнослужители, так и прихожане. Целью курсов являлась «подготовка к борьбе с сектантством» [39, л. 47]. 25 сентября 1932 года духовенство и прихожане праздновали десятилетие существования Полесской епархии. В связи с этим событием епископ Александр поручил провести пастырско-миссионерскую конференцию для членов консистории, епархиального и районных миссионерских комитетов [40, л. 53].

Заключение. Создание Полесской епархии проходило в сложных и непривычных для православного духовенства условиях функционирования в польском государстве, где приоритетной религией государственные власти считали католичество и стремились способствовать его распространению. Провозглашение автокефалии Православной церкви и создание Полесской епархии сопровождалось некоторым соперничеством высших духовных иерархов Православной церкви в Польше, которые по-разному представляли ее дальнейшее развитие. Епископ Александр был последователем политики митрополита Георгия, стремящегося к провозглашению автокефалии и взаимодействию с польскими гражданскими властями. Границы Полесской епархии изменялись и корректировались до тех пор, пока не стали соответствовать границам Полесского воеводства. Это обстоятельство упрощало надзор польским административным органам за жизнью Полесской епархии.

Православная церковь во Второй Речи Посполитой была поставлена в сложные условия: неравное по сравнению с католической церковью материальное и неясное правовое положение потенциально грозили потерей значительного числа верующих и изменением в худшую сторону процентного соотношения православных и представителей других конфессий. Католическая церковь, стремившаяся увеличить свое влияние на присоединенных территориях, пользовалась поддержкой властей и располагала более

значительными материальными и административными ресурсами. Нежелательными для Православной церкви факторами стали распространение новых нетрадиционных религиозных организаций, появление идей атеизма, особенно среди молодежи. В этих условиях Православная церковь в Польше в целом и в Полесской епархии в частности вынуждена была отстаивать свои позиции и бороться за верующих.

Православная церковь уделяла миссионерству пристальное внимание. Была создана вертикальная структура миссионерской деятельности Православной церкви в Польше, представленная синодальным, епархиальными, районными комитетами. С целью оптимизации миссионерского дела епархиальным комитетом проводилась реорганизация территориальной структуры, разрабатывались основные направления деятельности, которые должны были реализовываться районными комитетами. Одним из приоритетных направлений работы комитетов являлся надзор за качеством исполнения пасторских обязанностей православного духовенства.

На территории Полесской епархии существовали новые религиозные организации, которые вели активную пропаганду своих вероучений среди православного населения, основанную на недостатках душпапской работы духовенства в приходах. Миссионерские комитеты разрабатывали общие методы борьбы, предупреждая действия своих оппонентов, но при этом часто не учитывая либо недооценивая те причины, которые приводили к переходу православного населения в новые религиозные организации. В целом православное духовенство в рассматриваемый период смогло стабилизировать и в значительной мере остановить переход верующих в нетрадиционные религиозные объединения. Православная церковь видела в распространении унии во всех ее формах большую угрозу, несопоставимую с угрозой распространения неоекотомов. Вследствие активной деятельности православных миссионеров попытки открытия новых приходов католического духовенства византийско-славянского обряда во многих населенных пунктах не принесли успеха. В течение рассматриваемого периода на территории Полесской епархии униатская церковь смогла организовать не более двух десятков приходов.

Новым явлением для Православной церкви во Второй Речи Посполитой явился атеизм. Проявлениям атеизма среди населения Полесской епархии со стороны миссионерских комитетов уделялось значительное внимание, хотя и меньшее по сравнению с другими направлениями миссионерской работы. Для обсуждения вопросов миссионерского характера в Полесской епархии проводились особые конференции, которые отражали проблемы в среде духовенства и на которых обсуждалась и выработывались стратегия и тактика миссионерской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скурат, А.В. История Поместных Православных церквей / А.В. Скурат. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 260 с.
2. Цыпин, В. История Русской Церкви 1917 – 1997: в 9 кн. / В. Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Кн. 9. – 830 с.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2096. Сведения о размещении православных церквей в Полесском воеводстве за 1921 г.
4. Костюк, В. История Полесской епархии (1922 – 1944 гг.) / В. Костюк – Брест: Брест. обл. тип., 1999. – 114 с.
5. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 14. Указы Синода Польской православной митрополии за 1923 г.
6. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2251. Переписка с Полесским православным епископом об открытии приходов и деканатов и изменении их границ.
7. Мартос, А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – М.: Изд-во Белорус. экзархата, 2000. – 351 с.
8. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 13. Циркуляры Полесской духовной консистории 1938 г.
9. Катляроў, І.В. Місіянерства / І.В. Катляроў // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед.; гал. рэд. Г.П. Пашкоў. – Мінск, 2001. – С. 212.
10. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 45. Протоколы собраний духовенства благочинных округов за 1923 – 1924 гг.
11. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 18. Указы Полесского епархиального комитета и Полесской духовной консистории за 1928 – 29 гг., переписка по личному составу и др.
12. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 6. Циркуляры и указы Синода Польской автокефальной Православной Церкви.
13. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 5. Циркуляры Полесской духовной консистории за 1929 г.
14. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 42. Указы и распоряжения Полесского архиепископа и Полесской духовной консистории за 1932 г.
15. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 29. Указы и распоряжения Полесского архиепископа за 1933 г.
16. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 81. Переписка с Полесским миссионерским комитетом о борьбе с распространением униатства и сектанства за 1929 г.
17. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 46. Протоколы съезда благочинных епархии от 1 – 3 января 1923 г.
18. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 2. Указы Полесской духовной консистории за 1926 г.

19. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 24. Указы Полесской духовной консистории и епархиального миссионерского комитета за 1930 г.
20. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 11. Указы Полесской духовной консистории за 1936 г.
21. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 263. Заявления организаторов и переписка с воеводским управлением, поветовыми старостами о регистрации и составе правления общественных организаций.
22. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1278. Дело об установлении границ земли, принадлежащей Остромицкой церкви Сарненского повета.
23. Свитич, А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия / А.К. Свитич // Материалы по истории церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1997. – Кн. 14. Православная церковь на Украине и в Польше в XX столетии; под ред. В. Чаплина [и др.]. – С. 87 – 293.
24. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 20. Указы Полесской духовной консистории за 1929 г.
25. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 1295. Жалобы прихожан Свято-Вольского и Добровичского приходов Косовского повета на священника Почопко о распространении униатства.
26. Хроника // Воскресное чтение. – 1924. – № 1.
27. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 79. Переписка с районными миссионерскими комитетами о борьбе с униатством за 1927 г.
28. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 82. Переписка со священниками о борьбе с распространением униатства и сектантства за 1931 г.
29. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 80. Переписка с церковнослужителями о распространении униатства за 1929 г.
30. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1255. Указ митрополита Варшавского и Волынского о выборе членов местных соборов и проповедь Полесского епископа о борьбе с распространением униатства.
31. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 83. Переписка с Синодальным миссионерским комитетом о борьбе с распространением униатства за 1933 – 35 годы.
32. Свирид, А.Н. Униатская Церковь в Западной Беларуси (1921 – 1939): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Свирид. – Брест, 2005. – 178 л.
33. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 16. Указы Синода Польской Православной Церкви и Полесской духовной консистории за 1930 г.
34. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 19. Указы Синода Польской Православной Церкви и Полесской духовной консистории за 1929 г.
35. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 51. Протоколы конференций церковнослужителей Брестского, Камень-Каширского, Пинского районов и заседание Столинского районного миссионерского комитета за 1931 г.
36. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 26а. Указы и распоряжения Полесской духовной консистории и переписка со священнослужителями о деятельности церковью Брестского повета за 1932 – 33 гг.
37. ГАБО. – Фонд 1 – Оп. 9. – Д. 2074. Месячные отчеты поветовых старост Полесского воеводства о деятельности политических партий и общественных организаций и религиозном движении в поветах за август 1932 г.
38. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 53. Протоколы заседаний Столинского и Пружанского районных миссионерских комитетов за 1932 г.
39. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2070. Месячные отчеты поветовых старост Полесского воеводства о деятельности политических партий и общественных организаций и религиозном движении в поветах за январь 1931 г.
40. ГАБО. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 66. Протоколы заседаний Полесской духовной консистории за 1937 г.

Поступила 06.06.2013

MISSIONARY ACTIVITY OF THE ORTHODOX CHURCH IN THE POLESSKAYA EPARCHY (1921 – 1939)

N. SAMOSIUK

Missionary work of the Orthodox Church on the territory of Poleskaya eparchy in 1921 – 1939 is considered. The main task of the diocesan and district missionary committees was to preserve the number of the Orthodox population. Orthodox missionaries were forced to simultaneously counteract the active campaigning by representatives of non-traditional religious organizations to contain the spread of uniatism, combat manifestations of atheism among the young. To discuss various issues of missionary character, exchange experiences, develop new ways of working special meetings, conferences, courses were organized. Church officials attracted the orthodox population to the missionary work. Missionary activity has greatly contributed to the improvement of pastoral work of the clergy and to preservation of the traditions and practices of parochial life of the orthodox population of Poleskaya eparchy.